УДК 027.54(470.23-25)"1914/19"

И. Г. Матвеева

Деятельность Императорской Публичной библиотеки в период Первой мировой войны

В статье рассматривается деятельность Императорской Публичной библиотеки по пополнению своих фондов в сложные годы Первой мировой войны, ее участие в работе различных благотворительных обществ.

Ключевые слова: Первая мировая война, Императорская Публичная библиотека, Российская национальная библиотека

Irina G. Matveeva

The activities of the Imperial Public library in the period of the First World War

The article considers the activities of the Imperial Public library to increase its collection in the difficult years of the First World War, its participation in the work of various charitable societies.

Keywords: First World War, Imperial Public library, National Library of Russia

История Первой мировой войны, ставшей предвестником глубочайших потрясений России, до сих пор таит много недосказанного и нераскрытого, в том числе и в истории Императорской Публичной библиотеки (ИПБ).

В начале войны убежденность населения России в непобедимости русской армии создавала иллюзии мощи страны: «С уходом войск на войну явился мираж нашей несокрушимости. Он вернул к обычным нашим занятиям, к инерции устоявшейся прежней жизни, лишь осложненной новыми, военными факторами»[1]. Как и другие учреждения культуры, Библиотека была озабочена своими ежедневными проблемами. Однако «обычная» жизнь Библиотеки была крайне осложнена военным временем. Прерванные связи с зарубежными партнерами увеличили лакуны в собрании современной иностранной литературы; резкое уменьшение книгоиздательской продукции отечественных книгоиздателей привело к невозможности пополнять фонды русской книгой; подготовка к эвакуации фондов вынуждала закрывать на некоторое время ряд отделов для обслуживания читателей; многие вольнотрудящиеся и ряд штатных сотрудников были призваны в армию. В то же время Библиотека не замерла, а использовала это время для выполнения тех работ, которые в мирное время не считала первостепенными, на которые ранее не хватало ни времени, ни сил. Внимание Библиотеки прежде всего было обращено на разбор и проверку фонда, поиск более компактной расстановки книг и периодических изданий, их описание.

В период Первой мировой войны финансирование Библиотеки, назначенное ей «по штату»[2], было низким (60 000 р.). Помощник библиотекаря получал 1400 р., 2500 р. жалования получали библиотекари[3], 1200 р. – секретарь и младшие помощники библиотекарей, дополнительно платили 700 р. столовых и 800 р. квартирных в год[4]. Нештатным сотрудникам платили в зависимости от вложенного труда: филолог-класик, член-корреспондент Академии наук Г. Э. Зенгер получал 100 р.[5]; нештатные чиновники О. К. Фохт и Н. Е. Зиверт – по 50 р.[6] Некоторые нештатные сотрудники работали без содержания (В. К. Лавровский[7], краевед Н. П. Анциферов и др.). На имя директора Д. Ф. Кобеко стали поступать заявления от помощников библиотекарей с просьбой увеличить размер месячного жалования «ввиду возрастающей дороговизны жизни»[8]; некоторых сотрудников резкое подорожание продуктов вынуждало уезжать из Петрограда. Так, уехали библиофил и библиограф Н. Ф. Бокачев, хранитель иностранных фондов П. Ф. Горбатенок.

Денежные средства, помимо комплектования фонда и оплаты труда сотрудников, шли на пошивку нового обмундирования штатным сотрудникам (15 тыс. р. ежегодно), оплату квартир сотрудников (1350 р.); заказ брюк и тужурок для 6 кочегаров[9]; ремонт мебели. Библиотека оказывала материальную помощь сотрудникам на образование детей (от 60 р. до 180 р.[10]), оплачивала содержание престарелых одиноких сотрудников в домах призрения, например, вольнотрудящегося Н. Д. Андрианова. Это вынуждало директора неоднократно обращаться к министру народного просвещения с просьбой об увеличении ежегодных ассигнований[11].

До начала войны в Библиотеку поступало в год до 2 тыс. иностранных изданий и до 1660 названий периодических изданий. «Начавша-

яся Первая мировая война не только привела к сокращению производства книг в стране, но и затрудняла получение ранее уже напечатанного»[12], новые книги и периодические издания поступали в самом ограниченном количестве.

Были приостановлены поступления новых книг из-за границы, нарушены связи с заграничными книгоиздателями и книготорговцами, что пагубно отразилось и на международных книгообменных связях Публичной библиотеки. Особенно пострадала в годы войны доставка в Библиотеку периодических изданий зарубежных стран, собрание которых до войны считалось одним из лучших в Европе.

В 1914–1915 гг. эпизодические посылки с книгами приходили из библиотек, научных и правительственных учреждений в основном нейтральных стран и стран Латинской Америки: США, Франции, Англии, Италии, Нидерландов, Швеции, Бельгии, Норвегии, Индии, Дании, Испании, Японии, Кубы, Уругвая, Эквадора, Гондураса, Австрии, Португалии, Чили.

В декабре 1914 г. амстердамский книготорговец В. П. де Врис предлагал свои услуги по доставке книг Библиотеке со скидкой 15 % на древние книги и 10 % – на современные немецкие книги и периодические издания. «Я беру на себя посредничество, чтобы искать „dėsiderata“, для каковой цели мой книжный дом и специально приспособлен»[13]. В тот период приобретались книги от книгоиздателей: нидерландского Д. Недерля[14], парижского Х. Галона[15], лондонского Ф. Эдвардса[16], эдинбургского Д. Гранта[17]. Книгами, журналами и газетами снабжали Библиотеку Финское Географическое общество, Кембриджский университет и др.

Понимая, что Библиотека попала в затруднительное положение, некоторые русские книготорговые фирмы предлагали свои услуги. Первым откликнулось Товарищество М. О. Вольф, которое 15 декабря сообщило, что «свыше шестидесятилетняя практика по части торговли иностранными книгами и обширные связи с иностранными издателями и антикварами, дают нам основание полагать, что мы в состоянии будем удовлетворять Вашим почтенным требованиям». 10 декабря издательство М. В. Поповой предложило свои услуги по снабжению книгами со скидкой до 15 %[18].

В условиях войны появился новый источник пополнения фондов – таможни России (Челябинская, Архангельская, Волочиская (Мариуполь) и др.) передавали Библиотеке задержанные книги, адресованные «на имя находящихся в России неприятельских военнопленных»[19]. Только в 1916 г. от Челябинской таможни получили около 750 книг.

К декабрю 1915 г. в Комитете цензуры иностранной скопилось множество «укладок» с невостребованными адресатами произведениями иностранной печати, которые они решили «передать в распоряжение Императорской Публичной библиотеки»[20].

Но этого было недостаточно для удовлетворения потребностей читателей Библиотеки, и сотрудники искали и находили новые источники пополнения фондов, предпринимая все необходимые шаги. Велась оживленная переписка с русскими книгоиздателями для обеспечения полноты обязательного экземпляра[21]. Это дало свои результаты – русские книги стали поступать в большем количестве от издательства Сытина, владельцев антикварных магазинов Ф. Шилова, И. М. Фадеева, А. С. Молчанов и др. Государственная Дума обязала все ведомства следить за выполнением закона об обязательном экземпляре. 23 сентября 1914 г. Св. Синод указом под № 8616 определил: «подтвердить по духовному ведомству, чтобы издаваемые учреждениями и лицами сего ведомства официальные печатные издания неуклонно и обязательно доставлялись ими, в узаконенном количестве экземпляров для передачи в Императорскую Публичную библиотеку»[22].

Несмотря на сложности военного времени, фонды пополнялись и с помощью даров, которые поступали из учреждений Швеции, Болгарии, Кубы, Испании, Греции, Португалии, Румынии, Китая, Великобритании, Италии, Швейцарии, Франции, Нидерландов, США, Бразилии, Чили, Новой Зеландии, Японии. Так, только в 1915 г. от зарубежных учреждений поступило в дар 575 сочинений в 5691 томах.

Дары преподносили и частные лица. Среди них экономист Н. П. Перозио[23]; петербургский домовладелец М. К. Сементовский-Курилло, верхневолжский археограф и этнограф А. А. Титов пополнил рукописями и автографами фонд Отделения рукописей и др. Преподносили книги и царские особы – принц П. Ольденбургский и вел. кн. Елизавета Маврикиевна. Не оставались в стороне и сотрудники Библиотеки: директор Д. Ф. Кобеко, палеограф, исследователь древнерусской и византийской литературы Х. М. Лопарев, философ Э. Л. Радлов, заведующий отделением инкунабул В. В. Рейтц и др., среди которых наиболее щедрым был историк спорта Г. А. Дюперрон (110 томов), вольнотрудящийся Р. А. Иогансон, библиофил Э. П. Юргенсон (30 рукописей). Только в 1916 г. частные лица подарили Библиотеке 1723 тома[24].

В целом в 1915–1916 гг. в Библиотеку поступило 86 131 сочинение (в 106 052 томах) книг, 4170 названий журналов, 304 карты, свыше 2600

рукописей[25]. И, несмотря на это, от недостаточности комплектования фондов страдали все отделения. Поэтому их сотрудники регистрировали сведения о выходящих книгах с тем, чтобы можно было бы их приобрести в будущем в мирное время.

Осложняла работу отделений необходимость подготовки ввиду неудач на фронте к эвакуации наиболее ценных фондов. 15 август 1915 г. к отправке были приготовлены книги на церковнославянском языке до первой половины XVIII в., книги гражданского шрифта, ценные рукописи, издания из коллекции «Россика», важнейшие портреты Петра I, редкие рукописи, периодика на русском языке до XVIII в.[26] Было принято решение вывезти все каталоги. Разместить фонды предполагали в помещениях Казанского университета[27]. Однако широкой общественности этот факт не был известен. Д. Ф. Кобеко писал: «Во избежание каких-либо толков об эвакуации Библиотеки, я распорядился объявлением, что Русское и Рукописное отделения Библиотеки по случаю капитального ремонта временно закрывается». Но уже в сентябре подготовка к отправке книг была приостановлена, а в октябре стало ясно, «что наступление германских войск, как в рижском, так и в двинском направлении задерживается»[28], и подготовку к эвакуации отменили.

Военные действия повлияли на уменьшение количества читателей: многие из них ушли на фронт[29]. В 1915 г. было выдано 25 725 билетов на право посещения ИПБ, что на 1703 билетов меньше, чем в 1913 г., книг и периодических изданий – 309 тыс. томов (в 1913 г. – 528 тыс. томов). Читаемость в 1915 г. составляла 13,2, тогда как в 1913 г. – 18,7[30].

Самыми активными читателями Библиотеки были литературоведы М. К. Азадовский, С. Д. Балухатый, В. А. Богородицкий А. Н. Веселовский, В. С. Гроссман, М. К. Клеман, А. И. Никифоров, В. И. Резанов, С. Г. Тер-Микельян; Б. М. Эйхенбаум[31] и историки и археографы В. А. Бутенко, Н. П. Грацианский, В. П. Клингер, П. Г. Любомиров. В. И. Семевский, Е. В. Тарле и др.[32] Активно изучали материалы Библиотеки юристы Ф. А. Вальтер и М. А. Курчинский; экономисты М. И. Туган-Барановский и Б. М. Таль. Книгами из отделения искусств в эти годы регулярно пользовались начальник финансового отделения Департамента общих дел Министерства внутренних дел П. В. Гейцыг; революционер П. К. Бух, учредительница Женских архитектурных курсов Е. Ф. Багаева[33].

Постоянными читателями Рукописного отделения были поэты П. И. Зиннер и Н. А. Оцуп; искусствоведы В. Я. Адарюков и А. Г. Мовшенсон; тибетолог Б. Б. Барадийн; протоиерей М. Ф. Околович; писательница А. А. Лучинская; организатор системы внешкольного образования С. Т. Шацкий и др.[34] Среди активных читателей Отделения картографии был историограф В. А. Кордт; путешественник Л. С. Багров, политический деятель кн. Д. И. Шаховской. Довольно часто карты выдавались в Рукописное отделение и самим сотрущдникам ИПБ – И. А. Бычкову, В. В. Стасову и др.

В Юридическом отделении чиновники правительственных учреждений «работали над литературой по вопросам, которые потребовалось изучить в связи с войной, а именно:

1. Устройство Галиции, административное право ее, уголовное и гражданское уложения Австрии, экономическое описание занятых нашими войсками [России] областей и т. п.

2. Германский закон о двойном подданстве.

3. Экономическое описание германских колоний.

4. Мораторий.

5. Денежные системы иностранных государств в связи с вопросом о валюте и по нескольким другим вопросам»[35].

Среди читателей пользовалась спросом литература по таким вопросам, как «изучение внутренних сырьевых и топливных ресурсов России. Книгами из Отделения правоведения пользовались сотрудники Петроградского историко-филологического института, Румянцевского музея, преподаватели Юрьевского и Харьковского университетов, чиновники Лесного департамента, Государственного банка, Медицинского совета, члены Петроградской думы и др. Сотрудники Ученой комиссии Министерства финансов и Главного управления неокладных сборов изучали материалы по введению новых государственных монополий. Чиновники Государственной канцелярии – «по устройству Румынии во время оккупации ее русскими войсками перед Севастопольской кампанией». Сотрудникам Постоянной финансовой комиссии при Петроградской городской управе выдали необходимую им английскую литературу по «технике английских банков и кредитных учреждений (т. е. вопросу, требующему, особенно свежего по времени освещения)»[36].

Читателям отделений предоставлялись материалы для непосредственных нужд фронта: «представитель Главного военно-метеорологического управления регулярно просматривал иностранные издания, извлекая из них сведения о состоянии атмосферы, и сообщая их в армию»[37]. Регулярно посещал Отделение основатель отечественной школы баллистики И. П. Граве, электротехник М. О. Доливо-Добровольский[38]. Самым активным читателем отде-

ления «Россика» в этот период был известный этнограф В. Н. Васильев[39].

В Богословском отделении постоянным читателем в годы войны был исследователь летописания и угорской Руси Е. Ю. Перфецкий богослов А. П. Сагарда, экономист и статист М. Н. Смит-Фалькнер, востоковед-гебраист И. Ю. Маркон др.[40] Отделение философии посещал философ А. О. Маковецкий[41].

Библиографические требования из Государственной комиссии погашения долгов, Главного Штаба, Севастопольского городского музея[42], Витебской ученой комиссии[43], Рыбинского земства и др. охватывают самые разные стороны российской жизни. Запросы частных лиц поступали не только из крупнейших городов, но небольших населенных пунктов России: из Ржева[44], Борисоглебска[45] и др.

Война повлияла и на штаный состав Библиотеки. К началу войны в ИПБ трудились 45 штатных сотрудников и около 60 вольнотрудящихся. Директором библиотеки был Д. Ф. Кобеко, на должность своего помощника летом 1916 г. он пригласил Э. Л. Радлова.

22 августа и 27 октября 1914 г. Департамент общих дел потребовал предоставить список служащих в Библиотеке, призванных на воинскую службу[46]. Встала угроза ухода многих сотрудников на поля войны. Особенно остро эта проблема стояла в октябре 1915 г. В список библиотечных должностей, освобождаемых от призыва в армии и от службы в государственном ополчении, были включены только должности заведующего хозяйственной частью Н. П. Роговицкого и его помощника А. А. Разумного. На воинскую службу должно было быть призвано столько сотрудников, что они составили бы значительный процент личного состава Библиотеки. Подлежали призыву такие опытные сотрудники, как заведующий отделением истории В. Э. Банк, религиозный мыслитель А. В. Карташев, историк русской литературы Д. И. Абрамович, историк педагогики В. В. Успенский, богослов Н. Т. Цветков, литературный критик В. А. Чудовский, поэт и переводчик М. Л. Лозинский и др. Могла создаться ситуация, когда в некоторых отделениях не осталось бы ни одного штатного чиновника, а при таких условиях Библиотека была бы «вынуждена в сильной степени сократить свои функции, и не сможет удовлетворять тех многочисленных требований, которые предъявляются к ней со стороны правительственных учреждений, нуждающихся часто в очень экстренных справках по самым разнообразным вопросам, выдвигаемым переживаемым моментом»[47]. Осложнялась ситуация и тем, что за призываемыми на воинскую службу сохранялось их содержание[48] и Библиотека не имела бы возможности нанять новых сотрудников на их место.

Неимоверные усилия прилагал директор, чтобы получить отсрочку от армии хотя бы своим штатным сотрудникам. Зная, что сотрудники таких учреждений, как Румянцевский музей, Академия наук, некоторые университеты и институты были освобождены от призыва, дирекция обращалась к военному министру с просьбой присоединить к этому списку и Библиотеку. Это ходатайство было передано начальнику мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба 19 ноября 1915 г., и 10 января 1916 г. Библиотеку присоединили к списку, а сотрудников оставили в занимаемых ими должностях.

Однако в этот список не были включены филолог-классик Б. В. Казанский, литературовед и переводчик Д. Д. Шамрай и В. В. Рейтц. Библиотека вновь ходатайствовала о получении для них отсрочки. Всего Библиотека смогла получить отсрочку 11 штатным чиновникам, в том числе Г. А. Дюперрону и помощнику заведующего читальным залом А. И. Рейно[49].

Вольнотрудящихся призывали на фронт в обычном порядке. В военных действиях приняли участие И. Н. Антонов, К. И. Блинов, А. В. Васильев, Е. О. Вильчинский, А. Э. Гартье, В. П. Дьяконов, Л. А. Зандер, С. И. Иванов, Р. А. Иогансон, Н. В. Кожевников, Д. Е. Синявин, П. П. Просолупов, Е. А. Станкузевич, Г. М. Чзмечян и др.

Война широко открыла двери для женского труда. В Библиотеке в те годы трудилось значительно больше женщин, чем ранее: П. Ф. Горбатенко, А. В. Грехова, О. И. Гронман, Л. А. Закорина, З. С. Кухаренко, М. Я. Майхровская, О. В. Полумордвинова, Т. В. Попова, Г. В. Рузгас, Й. А. Старк, В. Н. Струлева, Е. В. Дьяконова, В. К. Юденич и др.

В 1916 г. обслуживающего персонала Библиотеки настолько не хватало, что директору пришлось обращаться в Главный штаб с просьбой, чтобы прислали 6 человек «для замещения должностей дворников»[50].

Многие из сотрудников совмещали должности или принимали на себя дополнительные работы во внерабочее время за дополнительную оплату. Для работы по каталогизации к регистратуре были прикреплены заведующий читальным залом Н. В. Гаврилов, сотрудники Русского отделения С. С. Носков и А. В. Николаев, И. И. Гейнеман. Служащий в читальном зале Н. В. Иванов дополнительно «составлял сводные статистические сведения о движении выдачи книг по отделениям и Читальной залы, печатающиеся в „Отчетах“ Библиотеки и вел работу по составлению систематических каталогов»[51]. Вольнотрудящийся Русского отделения В. П. Гер-

гелевич в свободное время вел деловую переписку с различными учреждениями. За расширение деятельности сотрудникам выплачивали дополнительно по 50 р. в месяц[52].

Негативно влияли на работу Библиотеки в те годы нарушения в отопительной системе, недостаточное освещение и ремонтные работы в помещениях. В 1916 г. пришлось устанавливать новый котел, который быстро сломался, и несколько месяцев в помещениях было очень холодно (7–8°С), что чрезвычайно затрудняло работу, угрожало сохранности книг. Холод отражался на здоровье сотрудников, вызывая частые простуды и, тем самым, замедляя работы. Во время ремонта котла «трубы, раньше заделанные внутрь стен, были заменены новыми наружными, а вместо маленьких батарей были поставлены большие радиаторы»[53]. В результате в зимнее время температуру смогли поднять до 14°С. Медицинскую помощь сотрудникам оказывал штатный врач Библиотеки Э. Б. Фурман.

Хозяйственный отдел вынужден был проводить ремонтные работы: заделывать трещину на стене надворного фасада, устранять протечки потолка в Русском отделении. Деятельность Юридического отделения правоведения в 1916 г. осложнялась ремонтом, во время которого сотрудникам «пришлось… сдвинуть с места, а для того вполне очистить от книг, значительное число шкафов во всех частях Отделения, что, в связи с неизбежной при таком ремонте пылью и грязью, снова весьма стеснило текущую работу»[54]. Столяр И. П. Теннисон занимался ремонтом 45 шкафов в Русском отделении[55].

Холодно было в квартирах сотрудников, дров катастрофически не хватало. В 1916 г. Библиотеке пришлось ввести талонные карточки на дрова «для контроля количества отпускаемых дров для квартир штатных служащих и для казармы служителей (Садовая ул., 20)»[56].

Современники отмечали, что освещение в Библиотеке в эти годы было неудовлетворительное. В октябре 1916 г. читатели жаловались на недостаток электрического освещения в читальном зале: «Зимою случаются мрачные дни, когда в отделениях почти невозможно работать, нельзя отыскивать книги»[57]. Это вынудило Библиотеку вести переговоры с Обществом электрического освещения «об увеличении силы освещения»[58].

Сотрудники регистратуры занимались разбором и составлением карточек для каталога русских повременных изданий[59]. В этот период в регистратуре среди постоянных сотрудников работали: К. Н. Фаминский, А. Н. Макаров, Ин. И. Яковкин.

Разбор книг и рукописей проходил во всех структурных подразделениях, включая и хозяйственный отдел. На тот период в кассе размещены были ящики и сундуки, в которых находились книги и рукописи, в свое время переданные в дар различными лицами с условием открыть их через определенный срок после их смерти. Среди них находились: ящик с записками мемуариста В. А. Инсарского (вскрыть через 15 лет после смерти); шкатулка с бумагами критика и историка литературы В. П. Гаевского; пакет с «Записками об Амуре», переданными благовещенским купцом П. И Пахоловым в 1854 г.; пакет с рукописями театрального критика П. А. Маркова (открыть в 1926 г.); записки негоцианта Н. Ф. Фан-дер-Флита (вскрыть в 1956 г.); переписка архитектора Н. В. Султанова (вскрыть в 1960 г.); два пакета с рукописями нумизмата и археолога И. И. Толстого; переписка Е. А. Боголеповой – жены государственного деятеля А. А. Боголепова. Все рукописи были вскрыты и переданы в Рукописное отделение 23 июля 1919 г.[60]

Проблемы многих отделений были связаны, прежде всего, с отсутствием свободного помещения. Теснота была невообразимая, «в особенности, в Русском отделении… Там положительно повернуться негде. Об удобном размещении книг думать нечего. Каждый мало-мальски уголок старались наполнить книгами»[61]. В книгохранилищах Русского отделения не оказалось свободной полочной площади для размещения не только журналов, но и книг. Поэтому часть новых поступлений книг пришлось расставить в помещениях, смежных с основными книгохранилищами.

С расстановкой новых журналов было еще сложнее, они оказались за пределами основных хранилищ, поскольку с первых месяцев войны «из-за финансовых трудностей военного времени, новые поступления периодических изданий перестали описывать и переплетать». По правилам Библиотеки, запрещалось расставлять на полке журналы в непереплетенном состоянии. За несколько лет скопилось множество непереплетенных журналов, которые были размещены в отдельном помещении без какого-либо порядка. «Найти затребованный журнал мог лишь тот, кто его поставил на условное, одному только ему ведомое, место»[62].

Ситуация с переплетом книг и журналов осложнялась тем, что на 1915 г. был заключен договор на переплетные и футлярные работы только с одним переплетчиком – В. О. Осиповым. В январе 1915 г. он был настолько загружен, что потребовал, чтобы с него сняли часть работы. Библиотека не выполнила его просьбу, и 1 февраля 1915 г. он уволился по собственному

желанию[63]. Тогда 15 февраля 1915 г. Библиотека заключила договор с переплетчиками Н. В. Панковым и В. Ю. Крюгером[64]. 25 февраля 1915 г. директор приказал прекратить заказы дорогих переплетов и временно воздержаться от переплета книг, имевшие второстепенное значение. В 1916 г. Н. В. Панков уволился «ввиду отсутствия в продаже многих необходимых материалов для исполнения переплетных работ Императорской Публичной библиотеки, а также отсутствия рабочих по случаю последней мобилизации в войска»[65]. 5 января 1916 г. был заключен договор на выполнение переплетных работ с Одиночной тюрьмой с тем, чтобы эти работы выполняли заключенные[66]. Но все необходимые заказы на переплетные работы выполнены быть не могли из-за огромного их количества.

Русским отделением в тот период заведовал историк русской литературы В. И. Саитов. Современники вспоминали о В. И. Саитове как о знатоке русского фонда. Кроме того, он «организовал в Отделении фонд справочных изданий, обучал сотрудников искусству библиографического поиска, требуя тщательной проработки читательских требований»[67], вел научные исследования по истории русской литературы и библиографии. Систематическим каталогом Отделения ведал помощник библиотекаря историк В. М. Андерсон, который совместно с В. И. Саитовым разработал новую схему систематического каталога книг на русском языке[68]. В. М. Андерсон кроме того опубликовал ряд критико-библиографических заметок и рецензий на страницах «Русского библиофила», совместно с вел. кн. Николаем Михайловичем и В. В. Шереметевским в 1915 г. издал «Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности».

Старший помощник библиотекаря историк литературы Н. Д. Игнатьев, занимался каталогизационными работами, добавив ряд авторских комплексов в алфавитный каталог. В разные годы в отделении работали вольнотрудящиеся А. В. Грехова, З. С. Кухаренко, С. С. Носков, Д. Е. Синявин, В. К. Юденич, А. А. Челюскина, И. И. Адрицкий, И. Ф. Высоцкий, Е. Ф. Шарбау, С. Б. Фраткин, П. Д. Кривцов.

В 1915–1916 г. в Отделении старопечатных книг проводились работы по выделению наиболее редких изданий и перемещению их в особое помещение. Всего было выделено 507 таких изданий. Читателей в этом отделении было немного: с осени 1915 г. по октябрь 1916 г. было выдано 35 читателям 252 ед. хр.[69]

Рукописное отделение пополнялось в основном за счет поступления рукописей и автографов русских писателей XVIII и XIX вв.[70] Среди них наиболее редкими признавались армянская рукопись «Гандз» (XVI в.), греческая рукопись жития св. Ефразии[71]. Служащие отделения в этот период активно занимались каталогизацией фондов: В. В. Майков описывал собрания Н. А. Титова, Н. К. Шильдера, И. Н. Михайловского. А. Г. Шанидзе занимался описанием грузинских рукописей. Поток посетителей Рукописного отделения неуклонно увеличивался. С осени 1914 г. по октябрь 1916 г. 92 читателя посетили отделение 679 раз, в чтение им были выданы 3646 рукописей. В 1916 г. было выдано более 22 500 рукописей[72]. Обслуживание читателей за пределами ИПБ осложнялось приказом Министерства народного просвещения от 20 августа 1914 г., в соответствии с которым была прекращена высылка «не только за границу, но и в пределах России, рукописей и других предметов из отечественных книгохранилищ и музеев»[73].

Читателей в Рукописном отделении обслуживали И. Ф. Бычков, Х. М. Лопарев (с совмещением обязанностей по отделению инкунабул, альдов и эльзевиров), М. Я. Майхровская, Т. В. Попова, А. А. Челюскина, З. И. Ян. Сотрудники Отделения занимались научными исследованиями. Так, Д. И. Абрамович в 1916 г. опубликовал «Житие святых мучеников Бориса и Глеба» и «Памятники древнерусской литературы».

В Отделении изящных искусств проходила «полная проверка всей действительной наличности в Отделении, получавшихся до последнего времени периодических изданий, с составлением им карточного каталога и подробной описи и со внесением всех недостающих NN… проверка алфавитного каталога русских гравированных портретов с выделением карточек, на коих шифры не соответствуют действительному местонахождению гравюры»[74]. Эти работы в 1916 г. выполнил «с особым усердием» М. Л. Лозинский, опубликовавший тогда же сборник стихов «Горный ключ».

Заведовали Отделением последовательно музыкальный критик Л. А. Саккетти, историк и археограф Н. Д. Чечулин и В. А. Чудовский. Последний в 1915 г. опубликовал статью «Несколько мыслей к возможному учению о стихе», которая внесла значительный вклад в развитие «формальной школы» истории словесности.

В период войны в Отделении философии и педагогики описывались книги «давнего поступления»; редактировался систематический и алфавитный каталоги, многие карточки которых оказались утерянными; проводилась проверка по инвентарю «наличности всех книжных богатств, в связи с введением некоторых ценных библиотек, приобретенных в разное время и по частям». При разборе фондов «сводились в коллекции книги, которые представляют собой

серию, но раньше приобретались не как входящие в определенное собрание, а в качестве отдельных поступлений, и потому ставились в отделении на разные места»[75]. Особое внимание было уделено собранию книг по оккультным наукам и спиритизму А. Н. Аксакова[76]. Наиболее активными читателями были сотрудники Министерства народного просвещения, которые занимались подбором материалов о современном положении внешкольного образования в Америке и странах Европы. В 1916 г. было выдано 1566 томов по философии, 155 томов по педагогике, 44 тома по мистике и оккультизму, 235 номеров журналов.

В этот период в Юридическое отделение поступали только издания по обмену и редкие пожертвования, среди которых было довольно много «запоздавших выпусков итальянских правительственных изданий из Комиссии по Международному обмену изданиями, каковые восполнили существовавшие пробелы в соответствующих сериях»[77]. Большая часть книг была перешифрованна, книги расставлены строго по форматам. Под руководством историка права Ин. И. Яковкин разбором книг и обслуживанием читателей занимались П. Ф. Горбатенко, Е. А. Лаппа-Старженецкая, А. Н. Макаров, В. Н. Струлева. Заведующий Отделением Чудовский отмечал, что в 1916 г. в связи с затянувшимся ремонтом «в общей сложности в течении полных пяти месяцев обстановка сложилась для отделения очень неблагоприятная, что не могло не отразится на итоге работы несмотря на выдающиеся качества обоих моих сотрудников И. И. Яковкина и А. Н. Макарова»[78].

В годы Первой мировой войны особенно вырос спрос на иностранную литературу по праву и экономике, за 1915–1916 гг. было выдано 10 227 томов, «что составляло более 20 % всей книговыдачи иностранной литературы. Предметами изучения читателей были такие актуальные вопросы современности, как фабричная инспекция в России и на Западе, история профессионального рабочего движения, теория и техника финансов, организация деятельности бирж, банков, промышленности и учреждений торговли; о колониях и колониальной политике»[79].

Отделение математических, естественных и медицинских наук в 1915 г. пополнилось дублетными экземплярами роскошных французских и английских журналов из собственной е. и. в. библиотеки.

14 февраля 1915 г. в Отделение математических, естественных и медицинских наук поступило собрание А. И. Пападополо-Керамевса. Ежедневно до 15 октября проводился ее разбор, которым занимался педагог Р. Г. Кизерицкий и историк литературы А. А. Челюскина. Была сделана опись 7377 экземпляров[80]. Все книги разделили на три группы: греческие, русские и иностранные. Среди богословских книг, особой редкостью обладали сочинения Гиеронима (1565 г.), труды Августина (1556 г.) и Хрисостома (1558 г.); в числе греческих книг была «замечательна обширная библиотека Марасли, заключавшая в себе переводы почти всех знаменитых сочинений иностранных ученых (для нас интересны переводы Карамзина, Лермонтова и Крылова)»[81]. В само Отделение из этого собрания поступила незначительная, но весьма ценная часть книг: о математиках и медиках (Диоскурида, Феодосия), труды греческих авторов о химии, механике, астрономии, климатологии Греции. Сотрудники Отделения занимались разбором фонда, выделяя дефектные экземпляры, сдачей журналов в переплет; проводилась инвентаризация диссертаций. В тот период значительно пополнился алфавитный каталог: «Прирост алфавитного каталога Отделения, несмотря на прекращение притока книг, выразился… цифрой в 3000 карточек»[82].

В 1913–1914 гг. было обнаружено, что из читального зала Библиотеки стали пропадать русские книги. Библиотека старалась выправить ситуацию и приобретала похищенные книги у букинистов: «Зимой прошлого года у одного букиниста на Зелениной улице я встретил молодого человека, который предлагал букинисту найти для него большое количество книг по указанным карточкам, доставляя их еженедельно на определенную сумму… После нескольких наводящих вопросов молодой человек пояснил, что он целый год занимается разыскиванием и покупкой книг, расхищенных из Императорской Публичной библиотеки, и что до 2000 экземпляров он уже нашел. При этом он добавил, что розыск книг проводится частным порядком, без скандала и за приобретение книг уплачивается даже сверх стоимости»[83].

17 сентября 1916 г. была назначена комиссия «для выяснения наличности состава книжного собрания и организации деятельности библиотеки при читальной зале» в составе Н. В. Гаврилова, Н. Д. Игнатьева, М. Л. Лозинского, А. В. Карташева под руководством Р. Г. Кизерицкого.

В помощь Р. Г. Кизерицкому были выделены три сотрудника. Среди них самым активным был вольнотрудящийся А. И. Баев, который «в течение полутора месяцев ежедневно, не исключая воскресных и праздничным дней, подавал мне, по три часа подряд, через каждые 10 минут книги из книжных шкафов на карнизы около

письменного стола и после проверки убирал их обратно на место. Он ежедневно проверял, перед открытием для публики читальной залы, переданный накануне список недостающих книг каждого проверенного мною шкафа»[84]. По окончании проверки Баева вознаградили месячным окладом.

По словам Р. Г. Кизерицкого, «состав библиотеки оказался крайне неудовлетворительным: книги выбирались без научной оценки, так что библиотека не отвечает тем высоким требованиям, которые наша учащаяся молодежь и образованное общество вправе е ней предъявлять»[85]. Отмечалось также, что каталоги читального зала были в неудовлетворительном состоянии. Алфавитный каталог находился в столь плачевном состоянии, что пользоваться им было невозможно: не были отражены до 2 тыс. названий, «сознательно истреблялись старые инвентари (около 100) и невнесение в инвентарь 1466 книг»; утрачены 400 книг[86].

В течение года в тот период обслуживали более 20 тыс. читателей. Так, в 1915 г. было обслужено 23 464 читателей, среди которых 6973 учащихся учебных заведений и 7854 женщин. В 1916 г. было зарегистрировано 163 902 посещений (в 1914 г. – 181 657). В 1916 г. 21 451 читателей, среди которых 5891 учащихся учебных заведений (2546 – из университетов), 6839 – женщин[87] посетили Библиотеку 148 315 раз[88]. Если в первые месяцы войны наблюдался резкий отток читателей, то начиная с октября 1914 г. количество читателей увеличилось в связи с их интересом к военным вопросам. В читальном зале внимание читателей было обращено к проблемам международного права, колониальной политике и другним связанным с войною вопросам, что вызвало дополнительный приток читателей и книговыдачу (330 названий против 290 за предыдущий год)[89].

«Глубокая тишина, едва нарушаемая шелестом переворачиваемых страниц и сдержанным шепотом дежурных, выдающих книги, свидетельствует о том глубоком уважении, с которым каждый из них относится к этому вечно немому, но никогда не умирающему хранилищу человеческой мудрости»[90].

Руководил читальным залом в те годы А. И. Рейно; его помощниками были Г. А. Дюперрон и А. Н. Гаврилов. Среди сотрудников из числа вольнотрудящихся администрация Библиотеки особо выделяла А. А. Станкузевича, поскольку он был «был аккуратен и добросовестен в исполнении возлагаемых на него обязанностей»[91] и А. А. Хондажевского, который одиннадцать лет добросовестно исполнял возложенные на него обязанности[92].

Вольнотрудящийся читального зала И. И. Гейнеман за дополнительную плату разбирал и каталогизировал газеты и журналы, поступавшие в зал[93].

При читальном зале работал справочный отдел, в котором насчитывалось более 6 тыс. томов, что значительно облегчило работу дежурных, а читателям не надо было тратить время на выписку справочных пособий из фондов[94].

Отделение «Россика» пополнялось иностранными изданиями, хотя и не так активно. «Среди заграничных поступлений наиболее выделяются своею серьезностью английские издания. По ним отчетливо можно видеть идущее двумя путями ознакомление английского общества с нашей родиной; с одной стороны, происходит изучение русской народной книжной словесности, а с другой стороны, публикуются тщательно и заботливо составляемые сочинения о современной, главным образом, воюющей Россией»[95]. Заведовал Отделением историк и библиограф А. И. Браудо, который поднял деятельность свого отделения на столь высокий уровень, что оно могло удовлетворить самые строгие научные требования. В этот период в Отделении были проведены работы по размещению изданий на отдельных языках; введена новая система хранения периодических изданий (присвоен валовый номер); созданы особые коллекции календарей, альманахов, справочников, отчетов, более 400 книг были переданы в переплет.

Активно шел процесс разбора и описания книг. 25 января 1915 г. библиографу С. О. Балтрамайтису было поручено приведение в порядок и описание собрания литовских, латышских и финских книг, который он закончил к 9 ноября этого же года[96].

А. И. Рейно вспоминал, что «в виду недостроености верхнего этажа отделения условия работы там весьма тяжелые за отсутствием многих удобств» далеки до комфорта[97]. Составлялись карточки для систематического каталога, количество которых (40 тыс) «превосходило каталоги многих других отделений». Оставались незашифрованные журналы, «в которых вместо шифра лежали ярлыки с номерами, потому что заказанные печатные ярлыки оказались негодными».

В 1915 г. работала специально созданная комиссия под председательством Э. Л. Радлова по обсуждению деятельности отделения «Россика». В ее составе были А. И. Браудо, А. Э. Шмидт, И. И. Яковкин, Д. Д. Шамрай, В. Э. Банк, А. В. Карташев. Перед ними стояла задача обсудить три вопроса: о приобретении книг для отделения, о распределении между отделениями книг на

иностранных языках, выходящих в пределах России, о способах хранения изданий.

В результате обсуждения комиссия постановила: «Прекратить коллекционирование переводов русской художественной литературы с тем, чтобы приобретаемы были только переводы писателей, которые признаны заслуживающие приобретения… прекратить приобретать беллетристические произведения на темы из русской жизни и истории и приобретать таковые по выбору… прекратить приобретать повторные издания, повторяющие издания друг от друга не отличающиеся… прекратить приобретать произведения по признаку русского подданства авторов… прекратить приобретать переводы русских научных сочинений, не имеющих по содержанию своему отношения к России»[98].

По отношению к ранее приобретенным книгам комиссия также высказала свое мнение и постановила: «Периодические издания на иностранных языках по философии, медицине и математике передать в соответствующие отделения… приложения к периодическим изданиям, по содержанию своему не относящиеся к Россики передать в соответствующие отделения… из беллетристических сочинения сохранять лишь те, которые по содержанию относятся к „Россики", остальные передать в отделение беллетристики… периодические издания и труды научных обществ и учреждений с параллельными иноязычными заглавиями, с русским текстом и резюме на иностранных языках в отделении „Россика" не хранить, а передать в Русское отделение… оттиски статей с параллельным на иностранных языках заглавием хранить в отделении „Россика"»[99].

1 сентября 1914 г. было принято решение собирать и хранить печатные произведения, «имеющие непосредственное отношение к современной войне»[100]: воззвания, объявления, обращения, летучие листки, брошюры, карты, ноты, почтовые и другие марки, открытые письма, лубочные картинки.

Библиотека обращалась «к властям занятых русскими войсками местностей, с просьбой доставлять в Библиотеку все печатные по их распоряжению на театрах войны, а также, по возможности, пересылать в библиотеку и захваченные произведения печати, распространяемые неприятелями в связи с военными действиями… Вместе с тем поручить некоторым книгопродавцам в Голландии, Франции, Англии, Болгарии, Сербии и Черногории собирать для библиотеки все более выдающиеся произведения заграничной печати, имеющие отношение к настоящей войне»[101].

По инициативе библиографа Н. В. Гаврилова 24 сентября 1914 г. дирекция ИПБ обратилась к генерал-губернатору Галиции Г. А. Бобринскому «с просьбой доставлять в библиотеку все издания, выходящие в Галиции и в Львове во время войны», который уведомил, что «сделал распоряжение о доставлении в Библиотеку всего, что издается на театре военных действий»[102].

В конце 1915 г. Библиотека просила голландского книгопродавца М. Нийхофа высылать ей «вновь выходящие иностранные книги, посвященные войне»[103].

С конца 1914 г. по сентябрь 1915 г. деятельность сотрудников отделения «Россика» была направлена главным образом на создание новой коллекции печатных иноязычных произведений о «всемирной войне». Отмечалось, что в немецкой литературе заслуживали внимание периодические издания «по серьезнейшему вопросу об облегчении тяжелой судьбы увечных воинов»; среди французской и английской – журналы для военнопленных.

Эта коллекция хранилась в отделении «Россика», но занимала очень много места. Осенью 1916 г. по инициативе И. И. Яковкина была образована комиссия по проведению некоторых реформ в Отделении. Комиссия приняла решение распределить коллекцию по соответствующим научным отделениям. При этом предлагалось, что в отделении «Россика» должны были остаться: все сочинения о мировой войне вообще, если более или менее значительная часть их посвящена России; все сочинения, касающиеся событий на восточном фронте, на Балканах и в Азии; все те выпуски отдельных серий, которые посвящены специально России[104]. По решению Комиссии книги о Первой мировой войне были переданы в разные отделения, и коллекция, таким образом, была расформирована.

Нагрузка на сотрудников Отделения богословия в годы войны благодаря пересмотру церковного закона и развившимся интересам к церковно-общественной жизни была наибольшей. Отмечалось, что библиотекарю приходится снабжать не только читающих в читальной зале, но и многочисленных представителей различных ведомств и часто помогать им в подыскивании нужного им материала»[105]. Эту работу выполнял А. В. Карташев «с присущей ему, как специалисту, предупредительностью». В июле 1916 г. при Богословском отделении был организован еврейский отдел[106]. Востоковед А. Я. Гаркави занимался описанием собрания Фирковочей, среди которых «некоторые номера состояли из пачек, заключавших фрагменты и отдельные листы, имевшие немалое значение для еврейской и караимской литературы. Многие из них уники»[107].

Работы в Дублетном отделении активизировались в связи с тем, что сокращение работ

по обработке новых поступлений высвободило время для «второстепенных работ», в перечень которых входил разбор дублетных экземпляров по отделениям и передача их в Дублетное отделение, тем самым, пополняя его. Особенно активен это процесс был в декабре 1915 г. благодаря передаче в Публичную библиотеку значительного количества дублетов из собственной е. и. в. библиотеки. Среди них были получены целые подшивки французских военных журналов и книг по военному и морскому делу[108]. Кроме того, в Дублетное отделение были перемещены медицинские диссертации Юрьевского университета.

Продолжалась продажа дублетов. В 1915 г. продали 3047 томов русских и 106 иностранных книг, выручив 1050 р. В 1916 г. продали дублетов на 600 р.[109] Вырученные от продажи дублетов книг суммы были потрачены на покупку и переплет рукописей, на печатание каталогов[110]. Современники сожалели об отсутствии аукционных продаж: «Во времена оно библиотека входила в общение с любителями книги путем аукционной продажи дублетов. Лишние, ненужные книги и сейчас скапливаются и продаются большим количествами, но, когда и как, – этого никто нам толком не скажет. Мне не раз приходилось покупать библиотечные дублеты с нестертыми карандашными пометками цен и платить приблизительно в 5–10 раз дороже, чем вручила библиотека. Между тем в 1850–1861 гг. библиотека получила от аукционных продаж дублетов более 50 тыс. р., и не один собиратель обогатил свою библиотеку интересной книгой, не давая наживиться букинистам»[111].

Издательская деятельность Библиотеки в годы Первой мировой войны была приостановлена, сказывалось сложное экономическое положение. Среди опубликованных работ были только «Каталог собрания рукописей проф. И. В. Помяловского…», подготовленный Д. И Абрамовичем (1914) и отчеты ИПБ за 1907 –1910 гг. (1914, 1915), составленные Д. И. Абрамовичем и В. Г. Гейманом.

В 1915 г. Публичная библиотека поддержала идею создания Городской публичной библиотеки «В память 100-летия Императорской Публичной библиотеки»[112] и обещала всячески оказывать помощь в ее организации и пополнении фондов своими дублетами»[113].

Первая мировая принесла бесчисленные бедствия России, уже вскоре после ее начала страна столкнулась с проблемами беженцев, огромного количества раненых и искалеченных. Правительство не в состоянии было решить эту проблему – заботу о жертвах войны должно было взять на себя русское гражданское общество. С начала войны разные общественные учреждения стали собирать пожертвования с благотворительными целями, в том числе и на территории Библиотеки. Весьма распространенным методом пополнения финансовых средств были кружечные сборы в помощь воинам.

На территории Библиотеки кружечные сборы проводили 30 благотворительных учреждений и обществ: «Человеколюбивое общество»; «Союз городов», «Комитет по сбору и распределению пожертвований на нужды, вызываемые военным временем»; «Комитет помощи пострадавшим от войны», Аэро-клуб»[114]; общество «Пожарные–солдатам»[115], «Общество памяти Н. И. Пирогова»[116], Общество борьбы с нищенством детей и др.

Во время этих мероприятий проводилась продажа металлических значков, жетонов[117], флажков[118], периодических изданий и открыток; пасхальных яичек[119], живых цветов: фиалок, роз, вереска. Речь шла не только о русских воинах. Так, Всероссийское русско-черногорское благотворительное общество, общество «Петроград – Сербии» проводили в ИПБ кружечный сбор «в пользу черногорских воинов и их семейств»[120].

Собранные денежные средства шли на различные нужды – создание воздушного флота, оборудование военно-санитарных поездов, передовых транспортных отрядов[121], «организацию широкой помощи воинам на поле сражения с нашим неприятелем», «на нужды раненых и сражающихся воинов», «изготовление Рождественских подарков воинам действующей армии», на табак, махорку, папиросы, на подарки «к светлому дню праздника Воскресение Христова солдатам в окопах»[122] и др. Благотворительная помощь носила адресный характер, и чаще всего сборы средств предназначались для оказания помощи самым незащищенным членам семей военнослужащих: детям, инвалидам, старикам, многодетным матерям.

Многие общества собирали пожертвования на организацию и поддержание деятельности различных лазаретов для раненых и больных воинов, а также убежищ для детей лиц, призванных на войну (приюта Ясли «Во имя Святой Анастасии»[123]); для «Детского дома трудолюбия», детского санатория на Крестовской острове и в Териоках; амбулаторию для взрослых в Финляндии, лазарет «Михайловского общества в память Скобелева» (Общество для подачи врачебной помощи бедным женам, детям и сиротам воинов).

С начала войны ИПБ за счет дублетных экземпляров пополняла библиотеки лазаретов по списку книг, разрешенных для чтения больных и раненых нижних чинов: в Доме призрения бедных им. С. П. Елисеева, частного лазарета

Беляевых, Первого частного Василеостровского лазарета для раненых, Лейб-гвардии Семеновского полка, офицерского фехтовально-гимнастического зала.

ИПБ активно участвовала в благотворительной работе Российского общества Красного Креста (РОКК), не только предоставляя помещение для проведения акции по сбору пожертвований, но и регулярно перечисляя деньги в фонд РОКК[124]. Проводились и работы по оказанию информационной помощи: В. Э. Банк подготовил для публикации Обществом «Словарь медицинских терминов»; Е. А. Лаппа-Старженецкая работала по заказу Общества над темой государственного призрения семей участников войны 1914 г.; Д. Д. Шамрай оказывал содействие в их поисковой деятельности. За заслуги перед Российским обществом Красного Креста В. Э. Банк в 1915 г. был награжден орденом Св. Анны II степени.

Библиотека участвовала и благотворительных лотереях, праздниках («Праздник березки»; дни «Цветка льна», «Белый цветок»)[125], конференции «500-летие со дня кончины Яна Гуса[126]; выставке церковной старины, организованной Комитетом вел. кн. Татьяны Николаевны. Это были те мероприятия, «которые возникают в великие страдные дни, переживающие теперь Россией, объединенные одной общей идеей – оказанием посильной материальной помощи пострадавшим от врагов защитникам родины»[127].

Многие сотрудники Библиотеки в период войны были награждены «за благотворительную и общеполезную деятельность» различными орденами и медалями: кроме В. Э. Банка орден Св. Анны II степени получил Н. Д. Игнатьев; орден Св. Станислава – А. И. Браудо, С. С. Безобразов, Н. Т. Цветков; орден Св. Владимира – А. И. Браудо и В. В. Успенский; серебряной медалью на Станиславской ленте награждены В. П. Гергелевич, Н. Н. Калинин, Н. Н. Долгашева[128]; столяр И. П. Теннисон[129]. Н. В. Кожевников в 1915 г. за отличную усердную службу был удостоен звания личного почетного гражданина.

Годы войны не могли не изменить Библиотеку. «Вчерашний студент, сидевший за „толстой“ книгой, становится военным. Число читателей заметно падает, а в „курилке“ опять шумные митинги, как и в 1905 г. На улицах толпы народа; каждый наш военный неуспех тонет в „патриотическом“ ура, а в „курилке“ обсуждаются вопросы революции. По настроению читателей Публичной библиотеки, даже мало вдумчивый наблюдатель мог бы подметить задолго до 27 февраля быстрое нарастание политических событий, потому что Публичная Библиотека, вернее, ее читатель, с точностью барометра отмечает настроение и падение политических бурь»[130].

Примечания

1 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765.

2 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1 а. 1914. Д. 17. Л. 3.

3 Там же. 1915. Д. 3. Л. 5.

4 Там же. 1914. Д. 18. Л. 1.

5 Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1917. Д. 4. Л. 13.

6 Там же. Л. 11 об.

7 Там же. Л. 8.

8 Там же. Ф. 10. Л. д. А. В. Греховой. Л. 5.

9 Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1917. Д. 9. Л. 15.

10 Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 46.

11 Записка о необходимости увеличить ежегодные ассигнования на нужды имп. Публичной библиотеки министру народного просвещения, дек. 1916. СПб., 1916.

12 История Государственной ордена Трудового Красного знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 137.

13 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1914. Д. 34. Л. 4.

14 Там же. 1915. Д. 28.

15 Там же. 1915. Д. 27.

16 Там же. 1914. Д. 25.

17 Там же. Д. 30.

18 Там же. Д. 74. Л. 118–118 об., 127.

19 Там же. 1916. Д. 10. Л. 23–34.

20 РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 283. Л. 3.

21 История… Публичной библиотеки… С. 137.

22 Вестн. нар. образования. 1914. № 11. С. 822.

23 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 127. Л. 16 об.

24 Там же. Д. 128. Л. 1 об.

25 Там же. Д. 119. Л. 3, 111.

26 Там же. Д. 96. Л. 1–1 об.

27 РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. 1915–1916. Д. 45. Л. 1.

28 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 96. Л. 4 об.

29 Хроника русского библиотечного дела: из жизни государственных и академических библиотек: Петроград // Библиотекарь. 1915. Вып. 1. С. 75.

30 Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814–1917 гг. // Тр. ГПБ. 1958. Вып. 6 (9). С. 123.

31 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 127. Л. 77–78, 81 об., 96 об.–98.

32 Там же. Л. 94; Д. 128. Л. 139.

33 Там же. Д. 127. Л. 31, 75, 80, 81 об.

34 Там же. Оп. 1а. 1914. Д. 1. Л. 104–105, 108–109 об., 119 об.

35 Цит. по: Ефимова Н. А. Указ. соч. С. 130.

36 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 119. Л. 27.

37 Ефимова Н. А. Указ. соч. С. 131.

38 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1914. Д. 1. Л. 108, 111–111 об.

39 Там же. Оп. 1. 1916. Д. 127. Л. 99 об.

40 Там же. Л. 78 об. –79; Оп. 1а. 1914. Д. 1. Л. 118 об.

41 Там же. Оп. 1. 1916. Д. 128. Л. 139.

42 Там же. Оп. 1 а. 1915. Д. 4.

43 Там же. Оп. 1. 1915. Д. 61. Л. 6–7.

44 Там же. Оп. 1 а. 1915. Д. 24. Л. 1, 3. 22.

45 Там же. Д. 14. Л. 1.

[46] Там же. 1914. Д. 1. Л. 105; Д. 2. Л. 187.

[47] Там же. Оп. 1. 1915. Д. 72. Л. 1, 4.

[48] Там же. Оп. 1а. 1914. Д. 2. Л. 184 об.

[49] Там же. Оп. 1. 1915. Д. 72. Л. 18–18 об.

[50] Там же. 1916. Д. 128. Л. 84.

[51] Там же. Ф. 10. Л. д. Н. В. Иванова. Л. 9.

[52] Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1917. Д. 4. Л. 5.

[53] Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 119. Л. 31 об.

[54] Там же. 1916. Д. 119. Л. 25.

[55] Там же. Д. 130. Л. 13.

[56] Хроника: о крит. положении ИПБ в связи с отсутствием дров // Петрогр. вед. 1916. 19 янв., № 14.

[57] Старый читатель. Что нужно Публичной библиотеке? // Речь. 1914. 2 июня, № 147. С. 3.

[58] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 130. Л. 18.

[59] Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1917. Д. 4. Л. 5.

[60] Там же. Ф. 1. Оп. 1а. 1916. Д. 9. Л. 1–1 об.

[61] Старый читатель. Указ. соч. С. 3.

[62] Марин В. А. Некоторые вопросы организации журнальных фондов Государственной Публичной библиотеки // Сборник / ГПБ. 1953. Вып. 1. С. 109.

[63] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1916. Д. 13. Л. 2.

[64] Там же. Д. 21.

[65] Там же. Д. 6.

[66] Там же. Д. 8. Л. 1.

[67] Грин Ц. И. Саитов Владимир Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. СПб., 1995. Т. 1. С. 450.

[68] Урусова Э. А. Андерсон Владимир Максимилианович // Там же. С. 47.

[69] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 119. Л. 113.

[70] Там же. Л. 111–112 об.

[71] Там же. Л. 111 об.

[72] Там же. Л. 112 об.

[73] Там же. 1914. Д. 74. Л. 92; Оп. 1а. Д. 1. Л. 105 об.

[74] Там же. Оп. 1. 1916. Д. 119. Л. 21.

[75] Там же. Ф. 2. Оп. 2. 1917. Д. 6. Л. 3.

[76] Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 96. Л. 52.

[77] Там же. 1916. Д. 119. Л. 26 об.

[78] Там же. Л. 25.

[79] Ефимова Н. А. Указ. соч. С. 129–130.

[80] Там же. 1915. Д. 26.

[81] Там же. Оп. 1. 1916. Д. 119. Л. 31.

[82] Там же. Л. 30 об.

[83] Расхищение книг в Публичной библиотеке: письмо в редакцию // Дым отечества. 1914. № 4. С. 10–11.

[84] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1916. Д. 11. Л. 1.

[85] Цит. по: Ефимова Н. А. Указ. соч. С. 119.

[86] Там же. Оп. 1. 1916. Д. 119. Л. 83.

[87] Там же. Л. 95–97.

[88] Там же. Л. 45.

[89] Ефимова Н. А. Указ. соч. С. 130.

[90] Россия. 1913. 29 дек., № 2494. Прил. № 5. С. 5.

[91] Шилов Л. А. Станкузевич Алексей Алексеевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки… Т. 1. С. 495.

[92] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1916. Д. 13. Л. 1.

[93] Бенина М. А. Гейнеман Иван Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки… Т. 1. С. 154.

[94] Ефимова Н. А. Указ. соч. С. 117.

[95] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 119. Л. 75.

[96] Там же. Оп. 1а. 1915. Д. 18. Л. 1.

[97] Там же. Ф. 10. Л. д. А. И. Рейно. Л. 9 а.

[98] Там же. Ф. 1. Оп. 1а. 1916. Д. 3. Л. 1 об.

[99] Там же. Л. 1.

[100] Там же. Оп. 1. 1914. Д. 101. Л. 31.

[101] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 101. Л. 31.

[102] Там же. Оп. 1 а. 1914. Д. 1. Л. 116 об.

[103] Хроника русского библиотечного дела. С. 75.

[104] Шамрай Д. Д. Коллекция «Россика» в фондах Государственной Публичной библиотеки // Архивное наследие Российской национальной библиотеки. СПб., 2008. Вып. 1. С. 31.

[105] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 107. Л. 3.

[106] Там же. Д. 128. Л. 103 об.

[107] Там же. Д. 119. Л. 34.

[108] Там же. Д. 45.

[109] Там же. Д. 119. Л. 72, 114.

[110] Там же. Оп. 2 а. 1916. Д. 307. Л. 7.

[111] Старый читатель. Указ. соч. С. 3.

[112] Проект организации Петроградской городской библиотечной сети // Вестн. нар. образования. 1916. № 4/5. С. 518.

[113] Хроника русского библиотечного дела. С. 77.

[114] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 85. Л. 13, 17.

[115] Там же. 1916. Д. 12. Л. 6.

[116] Там же. Л. 7.

[117] Там же. 1914. Д. 85. Л. 6–7, 13, 15, 17, 19.

[118] Там же. 1916. Д. 12. Л. 1.

[119] Там же. 1914. Д. 85. Л. 4, 16, 21.

[120] Там же. Д. 74. Л. 126–126 об.; Там же. Д. 85. Л. 14–15, 26–27; Там же. 1916. Д. 12. Л. 2, 4.

[121] Там же. Л. 6.

[122] Там же. 1914. Д. 85. Л. 20, 25.

[123] Там же. Л. 2.

[124] Там же. Оп. 1а. 1914. Д. 1. Л. 108 об.; Там же. Д. 2. Л. 152 об.

[125] Там же. Оп. 1. 1916. Д. 12. Л. 3, 15, 21.

[126] Там же. Оп. 1 а. 1915. Д. 16. Л. 1.

[127] Макаренко Н. Выставка церковной старины в Музее барона Штиглица в Петрограде: перечень предметов / Ком. е. и. в. вел. кн. Татьяны Николаевны для оказания времен. помощи пострадавшим от воен. бедствий. СПб., 1915. С. 1, 31–47.

[128] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 128. Л. 161 об.

[129] Там же. Д. 108.

[130] Политур Н. Р. Дорога к знанию // Крас. панорама. 1924. № 8. С. 15.